
К 80-ЛЕТИЮ А. М. ПАНЧЕНКО

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Из неопубликованного выступления на заседании, посвященном 60-летию А. М. Панченко (Пушкинский Дом, февраль 1997 года)

Каждый ученый гуманитарий совмещает в себе черты ученого интеллектуального типа с художником.

Занимаясь искусством или культурой, ученый в известной мере сам приобретает черты художника. Он вводит в свои выводы элементы воображения, своей эмоциональности, художественности — при этом в разной степени — в зависимости от того, насколько сам изучаемый материал подсказывает ему этот артистизм.

Артистизма меньше в тех областях гуманитарных наук, где сам материал не способствует артистическим выводам, например, при изучении текста в узком смысле этого слова (текстология) или при расследовании некоторых вопросов, больше интересующих интеллект, чем эмоциональную сферу.

А. М. Панченко занимается литературоведческими дисциплинами обоих типов — интеллектуальными и артистическими, но наиболее интересны его выводы там, где он применяет свою артистическую фантазию,¹ и в которой больше сказывается его индивидуальность.

Нет необходимости, выступая здесь, в Пушкинском Доме, рассказывать внешние факты его биографии. С Пушкинским Домом он связан с первых дней своего существования. Пушкинский Дом в сущности является его семейным домом, ибо до своего рождения его родители работали здесь, здесь познакомились и поженились. И здесь Александр Михайлович делал свои самые первые шаги в науке.

Хороший филолог, изучающий эстетическую сферу литературы, должен обязательно быть и хорошим художником. Он должен представлять себе изучаемый предмет и его обстановку, в которой живет его предмет, его психологию, окружение, дух эпохи. Выводы ученого это не только выводы, поддержанные воображением. Они подсказаны ему самим материалом.

Это приводит к выводу, что филолог должен быть талантлив, и талант требуется от него не меньше, чем от художника-литератора.

Именно таким талантом, убедительным по аргументации и по воссоздаваемой картине, обладает А. М. Панченко.

¹ Здесь и далее подчеркивания принадлежат автору (Ред.).

Другое качество, которым должен обладать исследователь-филолог — это уметь проникать глубоко в суть предмета и в его историю, а прежде всего в язык произведения. Слово, словесное выражение должно обладать для него не только обыденным значением, но и философским и историческим смыслом, раскрываемым по большей части через этимологию слова; филолог кроме всего прочего должен быть историком и, в частности, историком слова, того или иного выражения.

Начиная как исследователь семиотики, филолог постепенно приходит к крупным историческим выводам, к картинам широкого размаха.

Кроме этого типа филолога артиста, художника есть и другой тип филолога, существовавшего гораздо дольше, захватывавшего в своих классических формах два последних века, который будет существовать, очевидно, всегда, поскольку он связан с научной школой и определенными научными дисциплинами — в первую очередь «вспомогательными» (архивоведение, текстология, источниковедение и т. д.). Этот тип филологов можно причислить к числу «традиционалистов».

Совершенно ясно, что А. М. Панченко, будучи хорошим традиционалистом, принадлежит к типу ученых художников, не только изучающих материал (и чем шире, с тем большей убедительностью в выводах), но и строящих на основании своих наблюдений широкое и «объясненное» полотно эпохи.

Вот почему А. М. Панченко талантлив. Он талантлив, артистичен, потому что к этому его обязывает самый тип исследовательского труда. Талант — это его обязанность в выбранном им характере своих исследований. В этом типе исследований нельзя ограничиться усидчивостью и эрудицией. Эрудиция нужна, но не одна она, не в ней главное.

Панченко исследует этимологию слова, происхождение обычая, объясняет то или иное поведение из сопоставления и т. д. Чем труднее, разнообразнее, «неожиданнее» материал и его объяснение, тем убедительнее выводы.

Ученый первого, традиционного, типа стремится к упрощению картины мира. Ученый второго, «романтического», типа (к которому несомненно принадлежит А. М. Панченко) усложняет картину мира, его историю, делает ее еще более интересной, чем она предстает перед восприятием обычного наблюдателя.

Панченко умеет быть неожиданным и тем самым убедительным, ибо нет лучшего способа выдвинуть доказательства, чем сделать их неожиданными, внезапными. Мир интересен! — и на этом основывается наука «панченковского типа». Мир должен стать еще более интересен в результате его изучения ученым панченковского темперамента. Ученый — это «человек играющий»!

Любопытен еще один вывод, который проистекает из выбранного ученым типа исследования, его методики.

Отнюдь не случайно любимое историческое время, которым А. М. Панченко больше всего занимается, — XVII и начало XVIII в. — эпоха перелома. Этот перелом А. М. Панченко восстанавливает, показывает происхождение нового времени и древнего, древнерусские черты в Петре и в его действиях, наличие новых явлений до Петра. Отсюда близость А. М. Пан-

ченко к определению национальных черт русской истории и русской культуры, восстановление единства культуры, слияние двух потоков русской культуры в один, что особенно значительно для XX в. и, очевидно, будет характерно для культуры XXI в.

Ценность работ А. М. Панченко в том еще, что они будят свою собственную мысль у его читателей и слушателей, вызывают возражения. Иногда хочется возражать, но и согласие с ним всегда своеобразно, всегда требует своего понимания. Талантлив в указанном мною направлении должен быть не только автор, но и его читатель.

Филолог-«традиционалист» опирается в своих трудах преимущественно традиционными методами на логику, ограничивает свои выводы тем же материалом, из которого исходил, стремится к обобщениям, распространяющимся на весь материал данного характера, особенно при изучении литературы. В целом он по преимуществу социолог, что отнюдь не означает, что он марксист.

* * *

<...>

А. М. Панченко наделен способностью видеть значительное в малом и анализирует это малое как некое всеобщее. Он может толковать текст, тесно связанный со своей эпохой, и открывать в нем нечто, что объясняет феномен не только языка и литературы, но и целой исторической эпохи, народного характера, — законы движения истории.

Во многих своих выводах А. М. Панченко исходит прежде всего из анализа материала русского XVII в. и начала Петровской эпохи.

Эпоха Петра несмотря на всю свою противоречивость, а в значительной мере именно благодаря своей противоречивости, подготавливает читателя увидеть в русской истории некое сложное единство.

Самый важный и интересный вывод А. М. Панченко строится на анализе идейной подоплеки петровских реформ. Панченко обнаруживает, что идеи Петра и петровские реформы не совпадают, — во всяком случае не во всем, и этот парадоксальный вывод не только доказан Александром Михайловичем в отношении переломной эпохи, но легко может быть перенесен и на другие эпохи русской истории. Больше того, А. М. Панченко показывает отсутствие идейного единства в реформах Петра.

Крайне интересны и важны идеи Панченко о двух этапах русского барокко — «московского» и «петербургского», а также о противостоянии русской старины — как «веры» и новой культуры — как «интеллекта».

Вывод из этого остроумен — культура Петровского времени была «состязательной культурой».

Анализируя Петровскую эпоху, А. М. Панченко убедительно показал связь между Петром и его эпохой, но не по команде Петра эпохе, как это обычно представляется, а по «команде эпохи» Петру.

Можно предполагать, что и в самом Александре Михайловиче отложились элементы «состязательной культуры». Во всяком случае лекции А. М. Панченко, которые он ведет по радио и телевидению, носят элементы «состязательности» и неожиданности. Зритель и слушатель имеют счаст-

ливую возможность про себя не соглашаться с автором. Он не излагает общепринятое, а спорит с этим общепринятым. Спорит иногда с самим собой.

Какой общий вывод можно сделать из наблюдений А. М. Панченко по русской культуре? Прежде всего я бы сказал так: создается ощущение огромной широты, многообразия и противоречивости русской культуры.

Концептосфера русской культуры всегда была необыкновенно широка: не менее широка, чем русская территория, и не менее длительна, чем ее история. Это не оценка русской культуры — это ее свойство, в котором можно усматривать и положительные и, если хотите, отрицательные черты. Однако одно положительное свойство русской культуры из этого вытекает: благодаря своей широте русская культура способна воспринимать очень многое и очень многое создавать. Эта широта культуры, ее проблем, ее особенностей прекрасно показана А. М. Панченко в его работах.

Характерно самое положение А. М. Панченко в Пушкинском Доме — он и в определенном научном сообществе, которое у нас имеет форму Сектора или Отдела, но и вне отделов — как бы на «свободном хождении». И это для ученого его типа совершенно правильно. Я не могу вообразить А. М. в составе коллектива, работающего по строгой программе. Когда А. М. и принимает участие в общих коллективных работах, — он работает по сугубо «своим», им созданным темам.

Панченко — это филолог, лихо «гуляющий отдельно». Он не примыкает ни к какой школе. Он живет научным воображением больше, чем методом интеллектуала. Он имеет своего читателя, тоже не связанного привычной наукой. Он талантлив и для его артистизма требуется талант до полного слияния, ибо коллективный талант встречается крайне редко. К сожалению, он очень одинок и поэтому был дружен с таким же одиночкой — Львом Гумилевым.

Таков Панченко в моем воображении.

*(Рукописный отдел ИРЛИ РАН,
ф. 769 (фонд Д. С. Лихачева)).*